

УДК 82-1/-9

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-81-3-143-149

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО В КНИГАХ СЕРИИ «ЖЗЛ»

© Наталья Кознова

INTERACTION OF NON-FICTION AND FICTION IN THE BOOK SERIES “THE LIVES OF REMARKABLE PEOPLE”

Natalia Koznova

The article presents the results of a study of the documentary and fictional content in the book series “The Lives of Remarkable People”. In the course of the structural and comparative analysis of V. Afanasyev’s books “Lermontov” (1991) and M. Roshchin’s “Ivan Bunin” (2000), devoted to the life and work of these outstanding writers, we found that both works are characterized by a genre synthesis that includes both the predominant documentary content (a biography, a diary, epistolary, interviews and memoirs) and the pronounced fictional origin (an essay, feature article, short story, novella and a novel). The combination of “non-fiction” and “fiction” in a biographical narrative significantly affects its plot construction, composition, narrative style, ways of expressing the author’s position and the choice of linguistic means. The research includes the tasks of identifying the features of coexistence of creative and strict factual interpretation, of objective and fictional elements in a single biographical text, as well as possible author’s bias. As the study proves, the absence of a unified format in the current “The Lives of Remarkable People” series provides greater scope for creative and scientific experimentation, allowing to coexist for both serious literary works and “literary novels”, sometimes characterized by prejudice and bias.

Keywords: biography, genre, composition, document, objectivity, fiction, author’s interpretation

В статье представлены результаты исследования документального и художественного содержания в книгах серии «ЖЗЛ». В ходе проведенного структурного и сравнительно-сопоставительного анализа книг В. Афанасьева «Лермонтов» (1991) и М. Рощина «Иван Бунин» (2000), посвященных жизни и творчеству выдающихся писателей, было установлено, что для обоих произведений характерен жанровый синтез, включающий как жанры с преобладающей документальностью (биография, дневник, эпистолярный, интервью, воспоминания), так и жанры, где ярко выражено художественное начало (эссе, очерк, рассказ, повесть, роман). Было выяснено, что соединение «документального» и «художественного» в биографическом повествовании заметно влияет на сюжетостроение, композицию, повествовательную манеру, способы проявления авторской позиции, выбор языковых средств. В исследовательские задачи входило выявление особенностей сосуществования в едином биографическом тексте творческой интерпретации и строгой фактологичности, объективности и художественного вымысла, возможной авторской предвзятости. Как доказало проведенное исследование, неопределенность формата в современной серии «ЖЗЛ» обеспечивает больший простор для творческого и научного экспериментирования, допускающего как наличие серьезных литературоведческих работ, так и «литературоведческих романов», порой отличающихся необъективностью и предвзятостью.

Ключевые слова: биография, жанр, композиция, документ, объективность, вымысел, авторская интерпретация

Для цитирования: Кознова Н. Взаимодействие документального и художественного в книгах серии «ЖЗЛ» // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 3 (81). С. 143–149. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-81-3-143-149

Книги серии «ЖЗЛ» имеют давнюю издательскую историю и огромную, не исчезающую уже более века популярность. Создатели и авто-

ры серии «ЖЗЛ» (Ф. Ф. Павленков, 1890–1924 гг., М. Горький, 1933–1938 гг., а вместе с ними ряд советских и российских академиков,

профессоров, профессиональных историков и публицистов) выработали и всегда старались придерживаться следующих важных принципов: научная достоверность, высокий литературный уровень и занимательность. Вполне очевидно, что соблюдение первого из них невозможно без строгой фактологичности, опоры на надежные источники, четкую аргументацию, а существование двух других немислимо без наличия творческого начала и создания текста по литературным канонам, то есть синтез документальности и художественности обусловлен самой концепцией данного издания.

На рубеже XX–XXI вв. к написанию биографий стали активно привлекаться писатели, принешие в биографический жанр свою стилистику, собственный особый нарратив. Критики отметили на новом этапе «отсутствие единой стратегии» у данной серии и коммерческий подход с ориентацией на массового читателя. Нередки появления жизнеописаний, сюжеты которых строятся «на разоблачениях, сборе сплетен, разгадке тайны» [1, с. 99], что, несомненно, сохраняет интригу и занимательность. Однако, как справедливо отмечает О. Е. Осовский, «...сохранить интригу, поддержать у читателя интерес к жизни своего героя <...> несложно, когда речь идет о политическом деятеле, военачальнике или герое светской хроники. Куда сложнее создать увлекательную биографию ученого-гуманитария...» [2, с. 195]. Как полагает М. И. Измайлова, развитие серии «ЖЗЛ» после 1990-х гг. «происходит на фоне сосуществования в отечественном биографическом нарративе нескольких направлений»: биография – серьезное научное исследование («биографика»), социально-политическая история, публицистика, выполняющая «социальный заказ», художественная биография и бульварное «расследование» [3, с. 67–68]. Очевидно, что сегодня формат серии «ЖЗЛ» остается разнородным и обеспечивает больший простор для творческого и научного экспериментирования. Сложившаяся ситуация требует внимательного прочтения и анализа подобных текстов с точки зрения композиционной структуры и индивидуального авторского подхода к материалу.

В задачи предпринятого исследования входило установление способов взаимодействия документального и художественного начал в книгах серии «ЖЗЛ», посвященных жизни и творчеству русских писателей-классиков. Материалом для изучения выбраны книги В. Афанасьева «Лермонтов» (1991) и М. Рощина «Иван Бунин» (2000), первый из которых – профессиональный литературовед, а второй – писатель, драматург, публицист.

Жанр биографии издавна привлекал исследователей. На сегодняшний день определилось несколько направлений, связанных с изучением данного жанра. Так, Е. А. Маркелова обратилась к жанровой типологии писательской биографии [4], а И. А. Костылева представила типологию жанра в русской литературе XX–XXI вв. на материале творчества Б. К. Зайцева и А. Н. Варламова [5]; М. Б. Раренко проследила эволюцию биографии от традиционных подходов к гибридизации жанра [6]; Т. А. Карпеева детально изучила проявление авторского «я» в биографическом повествовании [7]; Е. А. Руднев сосредоточил внимание на человеке как предмете биографического исследования [8]. Жанр литературной биографии также находится в поле зрения литературоведов М. Е. Бабицовой [9], А. В. Подчинова, Т. А. Снигиревой [1]; [10], В. В. Частных [11] и др.

Новизна данного исследования заключается в выявлении особенностей индивидуальных авторских подходов к написанию биографий русских писателей-классиков, заключающихся в отношении к использованию документальных источников и художественной изобразительности, определении их воздействия на сюжетостроение, композицию, образную систему.

В построении сюжета биографического произведения основополагающую роль играет фактологический материал, связанный с жизнью героя: подлинные даты, имена, события, топографические реалии, которые автор тщательно отбирает еще до начала работы над текстом. Так, В. В. Афанасьев свое повествование о М. Ю. Лермонтове начинает с описания Москвы 1814 г., года рождения поэта. С первых страниц читатель погружается в исторический и культурно-бытовой контекст эпохи. Автор упоминает, что в марте 1814 г., «пал Париж», а в Петербурге и Москве начались празднества по случаю победы над Наполеоном, не прекращавшиеся до осени. Москва начала вновь отстраиваться после пожаров, постепенно в нее возвращалась обычная мирная жизнь.

Воссоздается и литературная атмосфера, звучат имена популярных в то время поэтов и писателей: И. И. Дмитриева, В. А. Жуковского, Н. М. Карамзина, А. Дельвига, И. Пущина, Кюхельбекера. Рассказывается, что в октябре 1814 г. А. С. Пушкин-лицеист написал свой первый вариант стихотворения «Воспоминания в Царском селе», а Н. М. Карамзин в это время готовил к печати «Историю государства Российского». Документальная литературно-историческая экспозиция подготавливает появление главного героя – М. Ю. Лермонтова, но опора на фактологию

ческие детали остаются первостепенно важной для автора:

«Той осенью, в 1814 году, 3 октября, в Москве, а именно в ночь со второго на третье, в одном из домов на Садовой, напротив Красных ворот, в приходе патриаршей церкви Трех Святителей (Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста) в Огородниках, родился у супругов Лермонтовых – Юрия Петровича и Марии Михайловны – сын» [12, с. 6].

Кажется, что в таком контексте подлинных историко-документальных свидетельств вымысел не совсем уместен, однако автор подключает художественное описание и дает возможность не только увидеть, но и почувствовать, буквально ощутить звуки, краски, запахи послевоенного города 1814 г.:

«...в Москве было еще много погорелых мест, но уже белели и желтели свежими красками новые особняки. Всюду хрустела под колесами щепы. Бодрое, радостное чувство веяло в московском воздухе» [Там же, с. 5];

А также представить атмосферу, царившую в доме Лермонтовых, заботящихся о новорожденном:

«То дождь, то снег ползли по стеклам окон. Молодая кормилица прикладывала младенца к груди. Фольга и краска поблескивали на иконах в свете лампы. Меч архангела одним своим видом устрашал демонов, таящихся во мраке... Младенец Михаил засыпал. И снилось ему не то море, не то небо – родная стихия» [Там же, с. 7].

Такое сочетание документа и вымысла способствует глубокому погружению не только в исторические реалии, но и в эмоциональные переживания героев. Художественные и документальные пласты текста существуют рядом в повествовании, плавно перетекая один в другой. Использование такого приема взаимного дополнения документального и художественного характерно для авторского стиля и является основной композицией.

Еще одним композиционным приемом Афанасьева является принцип кинематографичности: кадрирование и соединение эпизодов-кадров в единое целое. Благодаря такому приему герой видится с разных ракурсов: как отдаленно, на фоне широкого пространства (в поле, саду, горах Кавказа, на улицах большого города), в окружении людской толпы (в пансионе, на балу, на военной службе), так и совсем близко, крупным планом, когда можно разглядеть складки на одежде, морщинки на лбу, цвет глаз. «Эпизоды-

кадры» меняются быстро, повествование динамично, но в итоге все складывается в единую целостную картину, при этом не чувствуется разрывов в повествовании. Хронологический принцип – основной в построении сюжета: события следуют одно за другим по вертикали, прочно сцеплены между собой, их причины и следствия логически обоснованы и объяснены, что способствует последовательности наблюдений за формированием творческой личности.

Другой композиционный подход намечается в книге М. Рощина «Иван Бунин». Здесь автор не придерживается строгой хронологичности. Расположение событий носит концентрический характер: центром повествования является главный герой, предстающий в разные моменты жизни. События и лица группируются вокруг него, но подаются через восприятие повествователя. Исторические даты и факты не представляют большой важности для автора. В своих рассуждениях автор опирается в основном на художественные тексты самого Бунина, которые цитируются в большом количестве и объеме, создавая у читателя ощущение очередного перечитывания известных произведений (ранних рассказов, «Жизни Арсеньева», «Окаянных дней», «Темных аллей» и т. п.).

М. Рощин не придает значения ошибкам в приводимых датах, даже в таких важных для биографии, как дата рождения героя. Например: «*Иван Алексеевич Бунин родился 23 октября (с т . с т .) 1870 года...*» [13, с. 13], в то время как эта дата соответствует новому стилю, а по старому – это 10 октября, о чем свидетельствуют все другие биографические источники в буниноведении. Это не случайная опечатка, повторно встречаем эту же дату в Приложении на с. 251. Имеются и другие исторические неточности. Например, рассказывая об эмиграционном периоде жизни писателя, автор приводит цитату М. Слонима: «*„Париж остается не столицей, а уездом русской литературы...“*» [Там же, с. 138], характеризуя ситуацию 1921–1922 гг., но на самом деле в статье Слонима речь шла о 1928 г., картина сложилась неверная. Или указание даты покушения на П. Милюкова: 29 марта вместо 28 марта 1922 г. Как видим, намечаются явные противоречия между документальными данными и их вольной интерпретацией автором-биографом.

Важным приемом введения документальности в биографический текст является привлечение мемуаров. В. Афанасьев приводит мемуарный текст осторожно и точно, снабжая его собственными комментариями или дорисовывая картины прошлого при помощи художест-

венного повествования. Так, родственник Лермонтова, Аким Шан-Гирей, рассказывая о детских годах, проведенных в Тарханах, припоминает отдельные детали из далекого детства: «лицо доброй старушки немки Кристины Осиповны, няни Мишеля» [12, с. 27], то, что подавали детям на завтрак, кто гостил в доме бабушки Елизаветы Алексеевны, как сама она выглядела («была очень печальна, ходила всегда в черном платье и белом старинном чепчике без лент» [Там же]). На первый взгляд, все это кажется второстепенным в общем контексте истории жизни Лермонтова, но именно так, бережно и тщательно, создается автором атмосфера дома, сформировавшая личность поэта. Точность художественной детали, включенной в биографическое повествование, особо значима для создания целостного образа.

Автор тут же комментирует: «Мальчик Аким был еще мал. В общем шуме и веселье он видел только самое наружное» [Там же, с. 28]. А далее дорисовывает картину детских дней Лермонтова:

«Вот Мишель, сосредоточенный и потный, голыми красными руками катает огромные снежные шары и потом лепит колоссальные фигуры, потрясая малышкой силой и мастерством. И лепит он не простых снежных баб, а бородатых рыцарей со щитами и мечами» [Там же].

Подобные художественные включения значительно оживляют повествование, заставляя поверить в подлинность происходящего.

О жизни Московского университетского пансиона узнаем из воспоминаний Дмитрия Милютин, который учился там вместе с Лермонтовым. О пребывании в Школе юнкеров и начале военной службы поэта – из мемуаров лермонтовских сослуживцев. Но без авторских пояснений и проведения параллелей между вспоминаемыми событиями и творческими опытами поэта представление о жизни героя было бы неполным. Например, в юнкерские годы к Лермонтову буквально «прилипло» прозвище Маё – имя героя из популярного тогда романа Рикера, наделенного такими характеристиками, как «остроумный, знаменитый, злой, коварный». Как свидетельствовали современники, эти качества характера совпадали с лермонтовскими. Афанасьев же отмечает, что это имя было «многозначительно» и для самого поэта: «Оно напоминало ему Вадима отождествляло с ним!» [Там же, с. 269] (Вадим – герой одноименного романа Лермонтова. – Н. К.).

Автор-биограф убежден в том, что стихи и проза рождались в его герое из тех жизненных ситуаций, атмосферы общения, среды, где он

рос, воспитывался и формировался как поэт. Отсюда такое пристальное внимание к подлинным деталям и документальным фактам, желание восстановить жизнь Лермонтова буквально по часам и минутам, не исключая при этом глубокого литературоведческого анализа его произведений.

Если в книге Афанасьева о Лермонтове мы видим постепенное развитие, «развертывание» личности будущего великого поэта, а вместе с этим и зарождение его новых творческих замыслов, то в книге Рощина о Бунине наблюдаем постоянные «скачки», повторы, возвраты, «перебивы» времени. Например, речь идет о Бунине-юноше, только пробуящем перо: «начинающий, неумелый, подделывающийся под чужое» [13, с. 31], а уже на следующей странице он характеризуется как молодой многообещающий автор, который «мечтает быть не хуже Пушкина и Лермонтова» [Там же, с. 32]. Сам процесс превращения из «начинающего, неумелого» в того, кто «не хуже Пушкина», читатель так не видит. Биограф не утруждает себя пояснениями:

«Мне не представляется нужным и возможным слишком много говорить от себя, я решил принципиально более давать простора моему герою, самому великому автору: зачем же долго объяснять писателя, – не лучше ли пристальнее читать его...» [Там же, с. 9].

Исходя из такой авторской концепции мы получаем представление о детстве писателя в основном из бунинского романа «Жизнь Арсеньева», революционных годах – из дневника «Окаянные дни», времени эмиграции – из рассказов и повестей 1930–1940-х гг.

Однако мемуарный текст в большом количестве присутствует на страницах книги М. Рощина. Чаще других цитируются мемуары жены писателя В. Н. Муромцевой, Г. Н. Кузнецовой, А. Седых (литературного секретаря Бунина), воспоминания самого главного героя. Но поскольку композиционно книга выстроена по принципу «Бунин и кто-то, или что-то» (Горький, Чехов, А. Толстой, Куприн, Мережковские, Лев Толстой, русская проза, нобелевская премия и т. д.), то какой-либо линейности, хронологичности в повествовании не наблюдается. Ранние высказывания соседствуют с более поздними, мемуарные тексты смешиваются с художественной прозой или стихами разных лет, без каких-либо переходов и объяснений. Авторские комментарии цитируемого материала минимальны, не развернуты, по сравнению с самими цитатами, занимающими порой несколько страниц. Рощин также не анализирует бунинские тексты и не делает каких-то промежуточных выводов, поэтому

создается ощущение, что Бунин рассказывает о себе сам, а биография превращается в автобиографию с преобладанием в ней бунинских текстов.

Итак, если в книге Афанасьева мемуарные тексты искусно вплетены в биографическое повествование, объяснены и откомментированы, а иногда находят продолжение в художественно воссозданных автором сценах и описаниях, то в книге Рощина они полностью замещают авторское слово о герое.

В повествование как одного, так и другого авторов-биографов включены цитаты из писем. Они призваны документально свидетельствовать о важных событиях на жизненном и творческом пути писателей. Например, в одном из писем М. А. Лопухиной Лермонтов сообщает, что решил оставить университет и поступить в Школу юнкеров, резко изменив свой образ жизни. За этим следует ответ, где Мария Александровна Лопухина называет это «дурной вестью»:

«Как после стольких усилий и трудов увидеть себя совершенно лишенным надежды воспользоваться их плодами...» [12, с. 254].

После переезда Лермонтова в Петербург Елизавета Алексеевна, бабушка поэта, в одном из писем к родственнице отмечает, что внук оживлен, ездит по балам и знакомится с хорошими людьми, бывает в «хорошей компании» [Там же, с. 287], а не только в казарме. Но в другом письме Михаил Юрьевич сильно сомневается в правильности принятого решения:

«Должен вам признаться, с каждым днем все больше убеждаюсь, что из меня вовек не получится ничего путного со всеми моими прекрасными мечтаниями и ложными шагами на жизненном пути...» [Там же].

За этим непременно следует авторский комментарий, который носит художественный характер, но построенный на основании документальных свидетельств выглядит очень убедительным, являясь продолжением мыслей самого поэта:

«Что-то призрачное, неживое было для Лермонтова в этой суетливой жизни, где он громоздил обман на обман, говорил то, чего не думал, шел туда, куда не хотел идти» [Там же, с. 286].

Письма, цитируемые в книге В. Афанасьева, во многом проясняют сложные жизненные обстоятельства, в которых неоднократно оказывался поэт, его отношения с властью, друзьями, возлюбленными, подготавливают приближающиеся

в судьбе перемены, а также объясняют причины появления новых стихотворений. Введение эпистолярного материала в биографическое повествование убедительно доказывает, что автор не придумывает жизнь Лермонтова, а восстанавливает ее, следуя за реальными событиями и фактами.

М. Рощин, повествуя о Бунине, письма использует не так часто, по-прежнему почти не комментируя их, а используя для констатации фактов. Например:

«Из письма Людмилы Сергеевны, баронессы Врангель, дочери писателя Елпатьевского: „...Иван Алексеевич был еще не женат, когда бывал на наших вечеринках у Александры Аркадьевны Давыдовой... Наша юная компания... собиралась здесь часто. Это были <...>“» [13, с. 52].

Дальше перечисляются все присутствующие, тем самым обозначается круг знакомых писателя в молодые годы. Или в другом случае для подтверждения увлеченности писателя своей работой:

«Вера Николаевна пишет Вере Зайцевой, старинной подруге: „Ян в периоде (не сглазить) запойной работы: ничего не видит, ничего не слышит, целый день не отрываясь пишет...“» [Там же, с. 145].

Но такие включения точечны по сравнению с дневниками, которые в книге Рощина занимают большую часть текстового пространства.

М. Рощин щедро цитирует дневники как самого Бунина, так и В. Н. Муромцевой-Буниной, Г. Н. Кузнецовой, А. Седых. Однако здесь, как и прежде, читатель остается один на один с текстом, авторский голос почти не слышен, незаметен. Например, в главе «Мережковские и другие» приводятся дневниковые записи почти на семи страницах [Там же, с. 161–167]. Они прерываются коротким пересказом автора об отношениях Бунина со мхатовцами и снова продолжаются еще на десяти страницах [Там же, с. 168–177], где о перипетиях всех драматических отношений с Мережковскими повествует сам Бунин и его жена. Заканчивается же эта «дневниковая» главка коротким и не бесспорным авторским выводом:

«Бунин выиграл у Мережковского свою партию с Нобелевской – но он выиграл против него и вообще: по литературе, по жизни, по совести. Дмитрий Сергеевич и Зинаида Николаевна останутся – остаются для истории русской литературы средними писателями, средними людьми» [Там же, с. 177].

Понимание того, что дают многочисленные дневниковые цитаты для представления о биографической книге самого Рощина, остается под вопросом.

Дневниковые записи в небольшом количестве присутствуют и в книге В. Афанасьева. В основном они характеризуют ранний период жизни поэта. Так, автор сообщает, что в юности Лермонтов много читал и размышлял над прочитанным, пытаясь сопоставлять его с собственным мироощущением. Например:

«„Я читаю Новую Элоизу, <...> Признаюсь, я ожидал больше гения, больше познания природы, и истины — Ума слишком много; идеалы — что в них?...“» [12, с. 208].

Или:

«„Когда я начал марафет стихи в 1828 году, <...> я как бы по инстинкту переписывал и прибирал их, они еще теперь у меня. Ныне я прочел в жизни Байрона, что он делал то же — это сходство меня поразило!“» [Там же, с. 155].

Обращение к дневникам необходимо для Афанасьева, чтобы понять мировоззрение поэта, проникнуть в его творческую мастерскую и рассказать о процессе рождения в нем художественных образов. Далее размышления, напоминающие дневниковые записи, анализируются автором-литературоведом на примере произведений Лермонтова. Дневниковые записи и письма в книге Афанасьева носят не прикладной, а конструктивный характер. В то же время наблюдается гармоничный баланс между цитируемым и комментируемым материалом, отсутствует давление одного на другой.

Таким образом, документальность (точные даты, топонимы, мемуарные тексты, письма, дневники, архивные документы), активно используемая В. Афанасьевым в повествовании о жизни Лермонтова, помогает более точно реконструировать биографию поэта. Художественная сторона, воплощенная в ярких литературных портретах, живых бытовых зарисовках старой Москвы и Петербурга, пейзажах Тархан, Кропотова, Пятигорска, Кисловодска, Тифлиса, воображаемых диалогах и монологах героев, оказывается не менее значимой. В данном случае документальное и художественное не вступают в конфликтные отношения, не замещают, а удачно дополняют друг друга, историческая достоверность материала не исключают занимательности сюжета.

М. Рошин не реконструирует бунинскую биографию, а вольно интерпретирует жизнь Бу-

нина. Его повествование лишено исследовательского начала и в большей степени публицистично. Документальные источники второстепенны для автора и не имеют явной связи с художественной стороной текста. Более того, в книге наличествует фрагментарность, хаотичность повествования, разорванность сюжетных линий, логические повторы, преобладание художественного (в основном цитируемого) материала над авторским словом. Выявить особенности авторского стиля в данном случае затруднительно, так как он теряется в обилии цитируемого документального и художественного материала при почти полном отсутствии комментирующей части.

Список источников

1. Снигирева Т. А., Подчиненов А. В. Литературная биография: традиция и современные интерпретационные стратегии // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. 2010. № 1. С. 97–101.
2. Осовский О. Е. «Литературность» против документальности как авторская стратегия в современной биографии (на материале последних изданий серии «ЖЗЛ») // Филология и культура. Philology and Culture. 2018. № 3 (53). С. 194–198.
3. Измайлова М. И. Историческая биография: опыт и закономерности (на примере серии «ЖЗЛ») // XVIII Царскосельские чтения: материалы междунар. науч. конф., 22–23 апр. 2014 г. Под общ. ред. проф. В. Н. Скворцова. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2014. Т. I. С. 64–68.
4. Маркелова Е. А. Типология жанра писательской биографии как литературоведческая проблема // Историческая поэтика жанра. 2013. № 5. С. 56–65.
5. Костылева И. А. Типология жанра романа-биографии в русской литературе XX–XXI веков (на материале творчества Б. К. Зайцева и А. Н. Варламова) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 5. С. 38–43.
6. Раренко М. Б. Биография: Эволюция и гибридизация жанра: Аналит. обзор. М.: ИНИОН РАН, 2017. 68 с.
7. Карпеева Т. А. Авторское «я» в биографическом повествовании (по книге А. М. Зверева, В. А. Туниманова «Лев Толстой») // Филология и культура. Philology and Culture. 2012. № 3 (29). С. 136–139.
8. Руднев Е. А. Человек как предмет биографического исследования: история и методология // Вестник Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Педагогические и психологические науки. 2018. № 32 (51). С. 127–137.
9. Бабицева М. Е. Художественные биографии писателей, удостоенные премии «Большая книга» (типология жанра и специфика произведений) // Обсерватория культуры. 2020. Т. 17. № 2. С. 202–213.

10. Подчиненов А. В., Снигирева Т. А. Литературная биография: документ и способы его включения в текст // Филология и культура. Philology and Culture. 2012. № 4 (30). С. 152–155.

11. Частных В. В. Жанр художественной биографии в творчестве А. Н. Варламова: дис. ... канд. филол. наук: Тверь, 2020. 171 с.

12. Афанасьев В. В. Лермонтов. М.: Мол. гвардия, 1991. 560 с.

13. Роцин М. М. Иван Бунин. М.: Мол. гвардия, 2000. 329 с.

References

1. Snigireva, T. A., Podchinenov, A. V. (2010). *Literaturnaya biografiya: traditsiya i sovremennyye interpretatsionnye strategii* [Literary Biography: Tradition and Modern Interpretive Strategies]. Interpretatsiya teksta: lingvisticheskii, literaturovedcheskii i metodicheskii aspekty. No. 1, pp. 97–101. (In Russian)

2. Osovskii, O. E. (2018). “Literaturnost” protiv dokumental’nosti kak avtorskaya strategiya v sovremennoi biografii (na materiale poslednikh izdaniy serii “ZhZL”) [“Literariness vs Documentality” as an Authorial Strategy in the Contemporary Biography (based on the series “Zhizn’ zamechatel’nykh lyudei” (The Life of Remarkable People))]. Filologiya i kul’tura. Philology and Culture. No. 3 (53), pp. 194–198. (In Russian)

3. Izmailova, M. I. (2014). *Istoricheskaya biografiya: opyt i zakonomernosti (na primere serii “ZhZL”)* [Historical Biography: Experience and Patterns (using the example of the “ZhZL” series)]. XVIII Tsarskosel’skie chteniya: materialy mezhdunar. nauch. konf., 22–23 apr. 2014 g. Pod obshch. red. prof. V. N. Skvortsova. T. I, pp. 64–68. St. Petersburg, LGU im. A. S. Pushkina. (In Russian)

4. Markelova, E. A. (2013). *Tipologiya zhanra pisatel’skoi biografii kak literaturovedcheskaya problema* [Typology of the Genre of Literary Biography as a Literary Problem]. Istoricheskaya poetika zhanra. No. 5, pp. 56–65. (In Russian)

5. Kostyleva, I. A. (2020). *Tipologiya zhanra romana-biografii v russkoi literature XX–XXI vekov (na materiale tvorchestva B. K. Zaitseva i A. N. Varlamova)* [Typology of Biographical Genre in the Russian Literature

of the 20th–21st Centuries (by the Material of Works by B. K. Zaytsev and A. N. Varlamov)]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. T. 13, Vyp. 5, pp. 38–43. (In Russian)

6. Rarenko, M. B. (2017). *Biografiya: Evoliutsiya i gibrizatsiya zhanra: Analit. obzor* [Biography: Evolution and Hybridization of Genres: An Analytical Review]. 68 p. Moscow, INION RAN. (In Russian)

7. Karpeeva, T. A. (2012). *Avtorskoe “ya” v biograficheskoy povestvovanii (po knige A. M. Zvereva, V. A. Tunimanova “Lev Tolstoi”)* [Authorial “I” in Autobiographical Narration (based on “Leo Tolstoy” by A. M. Zverev, V. A. Tunimanov)]. Filologiya i kul’tura. Philology and Culture. No. 3 (29), pp. 136–139. (In Russian)

8. Rudnev, E. A. (2018). *Chelovek kak predmet biograficheskogo issledovaniya: istoriya i metodologiya* [The Human Being as a Subject of Biographical Research: History and Methodology]. Vestnik Vladimirovskogo gosudarstvennogo universiteta im. Aleksandra Grigor’evicha i Nikolaia Grigor’evicha Stoletovkh. Seriya: Pedagogicheskie i psikhologicheskie nauki. No. 32 (51), pp. 127–137. (In Russian)

9. Babicheva, M. E. (2020). *Khudozhestvennye biografii pisatelei, udostoennyye premii “Bol’shaia kniga” (tipologiya zhanra i spetsifika proizvedenii)* [Writer’s Artistic Biographies That Received the “Big Book” Award (The Genre Typology and Work’s Specificity)]. Observatoriya kul’tury. T. 17, No. 2, pp. 202–213. (In Russian)

10. Podchinenov, A. V., Snigireva, T. A. (2012). *Literaturnaya biografiya: dokument i sposoby ego vklucheniya v tekst* [Literary Biography: A Document and Ways of Its Inclusion into a Text]. Filologiya i kul’tura. Philology and Culture. No. 4 (30), pp. 152–155. (In Russian)

11. Chastnykh, V. V. (2020). *Zhanr khudozhestvennoi biografii v tvorchestve A. N. Varlamova: dis. ... kand. filol. nauk* [The Genre of Fictionalized Biography in the Work of A. N. Varlamov: Ph.D. Thesis]. Tver’, 171 p. (In Russian)

12. Afanas’ev, V. V. (1991). *Lermontov* [Lermontov]. 560 p. Moscow, Mol. gvardiya. (In Russian)

13. Roshchin, M. M. (2000). *Ivan Bunin* [Ivan Bunin]. 329 p. Moscow, Mol. gvardiya. (In Russian)

The article was submitted on 22.08.2025

Поступила в редакцию 22.08.2025

Кознова Наталья Николаевна,
доктор филологических наук,
профессор,
Санкт-Петербургский государственный
университет промышленных технологий и
дизайна,
191186, Россия, Санкт-Петербург,
Большая Морская, 18.
nkoznova@mail.ru

Koznova Natalia Nikolaevna,
Doctor of Philology,
Professor,
Saint-Petersburg State University of Industrial
Technologies and Design,

18 Bolshaya Morskaya Str.,
Saint Petersburg, 191186, Russian Federation.
nkoznova@mail.ru